

Посвящается Дженни Уэймен

St. Paul

THE APOSTLE
WE LOVE TO HATE

KAREN ARMSTRONG

New Harvest
Houghton Mifflin Harcourt
BOSTON • NEW YORK

Святой Павел

АПОСТОЛ, КОТОРОГО МЫ
ЛЮБИМ НЕНАВИДЕТЬ

КАРЕН АРМСТРОНГ

Перевод с английского

Москва
2016

УДК 226.6
ББК 86.371-3,8
А83

Переводчик Глеб Ястребов
Редактор Наталья Нарциссова

Армстронг К.

А83 Святой Павел. Апостол, которого мы любим ненавидеть / Карен Армстронг ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2016. — 250 с.

ISBN 978-5-91671-601-6

Прошло без малого 2000 лет со времен апостола Павла, а эта фигура все еще вызывает противоречивое отношение. В чем только его ни обвиняли — в антисемитизме, женоненавистничестве, оправдании рабства! Приступая к изучению жизненного пути и духовных трудов святого Павла, известный историк религии, философ и публицист Карен Армстронг была полна решимости продемонстрировать его роль в извращении сути учения Христа. Но очень быстро ей стало понятно, что это суждение ошибочно и несправедливо. Из книги мы узнаем о Павле — не только страстном проповеднике христианского учения, но и поборнике социального, межнационального и гендерного равенства. Зачастую он бывал не понят даже ближайшими соратниками, видными представителями раннехристианского движения. Однако, по мнению Карен Армстронг, нам до сих пор есть чему поучиться у этого человека высоких духовных устремлений и бескомпромиссной твердости в следовании избранному пути.

УДК 226.6
ББК 86.371-3,8

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

© Karen Armstrong, 2015
This edition made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing
www.apub.com

ISBN 978-5-91671-601-6 (рус.)
ISBN 978-0-544-617-39-1 (англ.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Содержание

<i>Введение</i>	7
Глава 1. Дамаск	35
Глава 2. Антиохия	59
Глава 3. Земля Иафета	93
Глава 4. Оппозиция	125
Глава 5. Сбор пожертвований	157
 <i>Посмертие</i>	 203
<i>Примечания</i>	221

Введение

Около 30 года н. э., когда Иерусалим праздновал Пасху, Понтий Пилат, римский префект Иудеи, приказал распять одного крестьянина из галилейской деревушки Назарет. Пасхальные дни всегда были непростым временем в Святом городе, где римлян недолюбливали. Пилат с первосвященником Каиафой, видимо, заранее договорились расправиться с любым потенциальным возмутителем спокойствия, а потому их внимание не могло не привлечь произошедшее за неделю до Пасхи событие — приезд в город Иисуса из Назарета. Он прибыл, восседая на осле, что напоминало пророчества Захарии, и его с восторгом приветствовали толпы, восклицая: «Освободи нас, Сын Давида!» Не притязал ли он на то, чтобы стать долгожданным Мессией, потомком великого

царя Давида, который должен избавить Израиль от чужеземного гнета? И будто этого мало, Иисус немедленно направился в Храм и перевернул столы менял, обвинив их в том, что они превратили святое место в разбойничье логово. Когда его пригвоздили к кресту, «поставили над головой его надпись, означающую вину его: сей есть Иисус, царь Иудейский»¹.

Иисус родился в правление императора Августа (31 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Август принес мир в уставшую от войн страну, победив соперников из числа римских военачальников и объявив себя единственным властелином империи. Этот мир казался едва ли не чудом, ниспосланным свыше, и в отдаленных уголках державы Августа восславили как «сына Бога» и «спасителя». Однако «римский мир» безжалостно насаждался армией, эффективнейшей машиной убийств в истории: на малейшее сопротивление она отвечала массовой резней. Мощным средством устрашения служила казнь через распятие, орудие государственного террора. Так наказывали рабов, опасных преступников и бунтовщиков. Публичная демонстрация жертвы, искалеченное тело которой висело на перекрестке или в театре, зачастую

становясь добычей стервятников и диких зверей, доказывала безжалостную мощь Рима². Лет за 30 до смерти Иисуса, подавив восстание, вспыхнувшее после кончины Ирода Великого, сирийский наместник Квинтилий Вар распял за стенами Иерусалима 2000 мятежников³. Через 40 лет после смерти Иисуса, в последние дни осады Иерусалима римлянами (70 г. н. э.), тех, кто пытался бежать из обреченного города, — человек по 500 в день — избивали, пытали и распинали. Очевидец, еврейский историк Иосиф Флавий, описал эти страшные события: «Воины же в своем ожесточении и ненависти ради насмешки пригвождали пойманных в самых различных позах, а численность их была такова, что не хватало уже ни места для крестов, ни крестов для тел»⁴.

Среди прочего в распятии ужасало то, что жертва не получала достойного погребения, — бесчестье, в античном мире невыносимое, какого мы сейчас и представить не можем. Обычно тело жертвы оставляли на растерзание воронам. В Иудее, если удавалось убедить солдат захоронить тело сразу после смерти (по еврейскому закону), его обычно бросали в мелкую могилу, откуда его

выкапывали дикие голодные псы, рыскавшие в поисках падали. Однако последователи Иисуса едва ли не с самого начала были убеждены, что их Учителя похоронили подобающим образом. А впоследствии четыре евангелиста придумали сложное объяснение, как приверженцы получили на это разрешение у римских властей⁵. Это был важный момент в ранней христианской традиции⁶.

Мученическая смерть Иисуса будет иметь ключевое значение для религиозной и политической концепции Савла из Тарса, первого известного нам христианского автора. Его римское имя — Павел. Мы, люди Запада, сознательно исключили религию из политической жизни и стали считать веру исключительно частным делом. Однако это произошло лишь в XVIII в., и такой подход был бы непонятен Иисусу и Павлу. Вопреки расхожему мнению, действия Иисуса в Храме не были призывом к более благочестивому отправлению веры. Переворачивая столы менял, он ссылался на иудейских пророков: те сурово обличали людей формального благочестия, которые были безразличны к положению бедных, слабых и угнетенных. На протяжении почти 500 лет Иудея нахо-

дилась под властью разных империй, и Храм, самое святое место еврейского мира, стал орудием имперского владычества. С 63 г. до н. э. Иудея правил римляне совместно с высшим духовенством: последнее взымало с населения налоги и хранило деньги в храмовых пределах. Со временем такой коллаборационизм подорвал доверие людей настолько, что крестьяне стали отказываться платить храмовую подать⁷. Некоторым иудеям до такой степени претило разложение самых священных институций, что они удалились от общества и создали поселение сектантов в Кумране, на берегу Мертвого моря. Они верили, что вскоре Бог уничтожит Храм и вместо него создаст новое святилище, чистое и нерукотворное. Поэтому Иисус был не единственным, кто считал Храм «вертепом разбойников». А обличительная акция, которая, по всей видимости, и стоила ему жизни, была воспринята властями как угроза политическому порядку.

Иисус проповедовал в Галилее, области на севере современного государства Израиль, население которой сильно пострадало от власти римлян. Назарет находился всего лишь в нескольких километрах от города Сепфори-

са, стертого с лица земли римскими легионами при подавлении бунтов после смерти Ирода. Ирод Антипа, шестой сын Ирода Великого, правил Галилеей, будучи полностью зависимым от Рима, и собирал средства на свои многочисленные строительные проекты, взимая высокие налоги. Податями облагались зерно, скот, заработки. В общей сложности крестьяне отдавали от 50 до 66 процентов того, что производили. Невыплата налогов каралась конфискацией земли, что увеличивало наделы знати, а также банкиров и чиновников, стекавшихся в Галилею в поисках наживы⁸. Если повезет, крестьяне, потерявшие землю, которой владели поколения их предков, оставались трудиться на ней по найму. Другие подавались в разбойники или нанимались на черную работу. Возможно, последнее произошло и с плотником Иосифом, отцом Иисуса.

Приблизительно в 28 г. н. э. толпы народа стали стекаться из Иудеи, Иерусалима и окрестностей к Иордану, чтобы послушать пламенную проповедь Иоанна Крестителя. Облаченный в одежду из грубого верблюжьего волоса, что напоминало одеяние пророка Илии, Иоанн призывал людей совершить омо-

вание (крещение) в знак покаяния и тем самым ускорить наступление Царства Божьего, которое вскоре придет на смену нечестивым владыкам века сего. Его речи не были исключительно религиозными. Когда креститься пришли представители высшего духовенства со своими слугами, Иоанн назвал их «порождениями ехидниными» и заявил, что происхождение от Авраама не спасет их в День Суда⁹. В Израиле ритуальное погружение в воду издавна символизировало не только нравственное очищение, но и выбор в пользу социальной справедливости. В VIII в. до н. э. пророк Исаия говорил от лица Бога иерусалимским вождям: «Ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову»¹⁰.

Кумраниты совершали частые омовения не только как очистительный ритуал, но и в знак готовности «справедливо относиться к людям... всегда ненавидеть несправедливых и бороться вместе с праведными»¹¹. Однако Иоанн предложил крещение не толь-

ко избранным, но и простым людям. Когда бедняки, отягощенные долгами, спрашивали его, что им делать, он призывал их делиться тем немногим, что у них было, с теми, кто жил еще хуже: «У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же»¹².

Среди тех, кого крестил Иоанн, был Иисус. По преданию, когда он выходил из воды, на него сошел Святой Дух и небесный голос возвестил: «Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!»¹³ Впоследствии приверженцы Иисуса будут верить, что и они в крещении становятся детьми Божьими и членами общины, в которой все равны. На заре этого движения Духу Божьему придавали огромное значение. Конечно, мыслился он не как отдельное божество: иудеи называли так присутствие и действие Всевышнего в человеческой жизни. Когда около 29 г. Иоанн был схвачен по приказу Антипы, Иисус возвратился в Галилею «в силе Духа»¹⁴ и начал проповедовать. Вокруг него, как и вокруг Иоанна, собирались толпы, чтобы услышать удивительную весть: «Царствие Божие уже пришло»¹⁵. Заметим: не «придет в отдаленном будущем». Уже сейчас Дух — активное

присутствие Бога — проявлял себя в чудесах исцеления, совершаемых Иисусом.

Куда бы ни взглянул Иисус, он видел людей, доведенных до крайности, униженных и подавленных. «Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря»¹⁶. Греческие глаголы, выбранные евангелистом, имеют не только эмоциональную, но и политическую коннотацию: речь идет о жертвах имперского владычества¹⁷. Это были люди голодные, больные и психологически подавленные, измученные тяжким трудом, антисанитарией, перенаселенностью, бременем долгов и постоянным страхом, что было характерно для народных масс в древней аграрной экономике¹⁸. Притчи Иисуса описывают общество, в котором между богатыми и бедными пролегает непреодолимая пропасть; люди отчаянно нуждаются в ссудах, живут под гнетом долгов и становятся жертвой бессовестных землевладельцев; они лишаются земли и вынуждены искать поденную работу¹⁹.

Узнать, каким был Иисус как историческая личность, почти невозможно. Павел, самый ранний из известных нам христианских авторов, писал свои послания всего лишь через

20 лет после распятия, но и он не сообщил почти ничего о земной жизни Христа. Четыре канонических Евангелия появились значительно позже: Евангелие от Марка — в конце 60-х гг., Евангелия от Матфея и Луки — в 80–90-е гг., а Евангелие от Иоанна — около 100 г. На всех евангелистов глубоко повлияла Иудейская война (66–73), которая привела к разрушению Иерусалима и Храма. Живя в один из самых страшных периодов истории еврейского народа — настолько страшных, что он казался Концом света, — они пытались осмыслить происходившее массовое истребление, страдания и лишения. А в процессе осмысления могли внести в свои Евангелия элемент апокалиптического пророчества, которого, возможно, и не было в учении Иисуса.

Исследователи отмечают, что Матфей и Лука взяли за основу своих повествований не только Евангелие от Марка, но и еще один текст, который цитировали почти слово в слово. Этот утерянный ныне документ в науке обозначается литерой Q (от немецкого слова *quelle* — «источник»). Сложно сказать, когда он был написан. Поскольку в нем не упоминается об Иудейской войне, он, очевидно, возник

в Галилее до 66 г. А быть может, его записали уже в 50-е гг., примерно в то же время, когда свои послания диктовал писцу Павел. В отличие от канонических Евангелий, Q почти ничего не говорит о жизни Иисуса, это антология его высказываний. Таким образом, благодаря источнику Q мы можем больше узнать о том, что говорил Иисус бедствующим жителям Галилеи.

В центре этого Протоевангелия стоит Царство Божье²⁰. Но это не огненный апокалипсис, ниспосылаемый на землю свыше, а, по сути, революция в человеческих взаимоотношениях. Если люди создадут другое общество, которое будет в большей степени следовать божественным установлениям иудейского Закона, они ускорят миг, когда Всевышний вмешается в историю и изменит положение дел. В Царстве единственным владыкой будет Бог: не станет ни кесаря, ни прокуратора, ни Ирода. Но, чтобы сделать Царство реальностью в тех труднейших условиях, в которых они существовали, люди должны были жить так, словно оно *уже* наступило²¹. В отличие от иродианской Галилеи, в Царстве Божьем привилегии должны будут распространяться

не только на элиту, ведь оно открыто для всех и каждого, особенно же для обездоленного и нищего (*птохос*), угнетенного нынешней властью²². Нельзя звать на праздник лишь богатых соседей, объяснял Иисус человеку, пригласившему его в гости: «Когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых и слепых». Созывать их надо «по улицам и переулкам города», «по дорогам и изгородям»²³. С точки зрения политики эта весть потрясала основы: в Царстве первые будут последними, а последние станут первыми²⁴.

Согласно учению Иисуса, люди в нем должны будут возлюбить даже своих врагов, поддерживая их и морально, и материально. И если римляне отвечали на агрессию жестокостью, ученикам Иисуса подобало следовать золотому правилу: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»²⁵.

«Отче наш» есть молитва о Царстве, и читали ее люди, которые могли надеяться лишь

на то, что на сегодняшний день им хватит пропитания, которые боялись задолжать, попасть под суд и лишиться своего скромного земельного надела:

*Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое; да приидет
Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
хлеб наш насущный подавай нам на каждый
день;
и прости нам грехи наши,
ибо и мы прощаем всякому должнику нашему²⁶.*

В учении Иисуса не было ничего нового. Древние законы Израиля заповедовали такую же взаимовыручку и взаимопомощь. Согласно ранним установлениям Пятикнижия (Закона Моисеева), знать не имела права присваивать себе чужие земли: земля всегда должна была оставаться во владении рода. Ссуды нуждающимся израильтянам должны были быть беспроцентными, а договорное рабство ограничивалось. Уязвимым членам общества — сиротам, вдовам и чужеземцам — необходимо было оказывать помощь²⁷. Под конец

каждого семилетия нужно было прощать долги и отпускать рабов на волю. Богатым израильтянам следовало быть щедрыми с бедняками и давать им достаточно средств на их нужды²⁸.

Иисус посылал учеников — рыбаков, земледельцев и всеми презираемых мытарей — превращать эту программу в жизнь в галилейских деревнях. По сути, это была практическая декларация независимости. У его последователей отпадала нужда наниматься в подневольные работники и трудиться ради чужого обогащения: они могли выйти из этой системы и создать альтернативную экономику, выживая благодаря умению делиться²⁹. Американский ученый Джон Доминик Кроссан полагает, что эти наставления Иисуса миссионерам составляли суть раннего христианства. Иисус объяснял: придя в деревню, постучитесь в дверь и пожелайте мира хозяевам; если встретят гостеприимством, оставайтесь в доме и трудитесь вместе с ними. «Ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои... Если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: “Приблизилось к вам Царство Божие”»³⁰.

Если человек из сострадания примет нуждающегося странника, если с этим странником поделится пищей собрат, а тот даст что-то в ответ — вот уже и Царство. Крестьян, объясняет Кроссан, терзали две взаимосвязанные заботы: «Смогу ли я сегодня поесть?» И «вдруг я заболею и впаду в долги?» В системе Иисуса, если у одного человека есть еда, она доступна всем. Да и о больных всегда найдется, кому позаботиться. Такая взаимозависимость и взаимоподдержка были и Путем спасения, и Путем выживания³¹.

И это не социальная программа под видом религии: до начала Нового времени у людей просто не было понятия «секулярности» в современном смысле слова. Все великие духовные традиции учили, что между нами и просветлением стоят себялюбие и эгоизм и практическая забота о *каждом* человеке (а не только о близких и представителях своего класса) есть критерий подлинной духовности. Героически делясь последним имуществом, сдерживая гнев и мстительность, из последних сил служа ближним, ученики Иисуса (а впоследствии и Павла) систематически низвергали с трона свое «я» и возводили на трон — в центр мира — других

людей. Это жертвенное состояние сознания сродни тому, что другие искали и ищут в йоге: ведь и цель последней — избавить мышление и поведение от заикленности на своем «я», этой одержимости собственной персоной, которая мешает быть людьми и закрывает от нас Трансцендентное (называют ли его Брахманом, Дао, Нирваной или Богом).

Иисус понимал, что у кого-то это учение вызовет отторжение, кто-то сочтет его крамолой. Он предупреждал учеников, что оно приведет к распрям и даже расколет семьи³². В римской Палестине тот, кто хотел следовать за Иисусом, должен был приготовиться к мучительной смерти на кресте³³. Его учение было трудно принять: не каждый готов возлюбить врагов своих, забывать при необходимости о семейных нуждах и предоставлять мертвым погребать своих мертвецов³⁴. Более поздние отрывки из источника Q показывают, что посланцы Иисуса сталкивались с неприятием и враждой, особенно со стороны тех, кто боялся нового учения или зависел от иродианской системы³⁵. Когда Иисус пришел в Иерусалим, чтобы возвестить Царство и обличить вымогательство и несправед-

ливость высшего духовенства, его казнили как инакомыслящего.

Распятие могло бы положить конец движению Иисуса. Однако некоторые из ближайших учеников — по-видимому, бежавшие после его ареста из Иерусалима в Галилею — пережили удивительные видения. Согласно этим видениям, искалеченное и окровавленное тело Учителя возродилось к новой жизни; Иисус был оправдан Богом и воссел одесную престола Божьего на высоте. Из этого ученики сделали вывод: Господь указал на Иисуса как на Мессию, «помазанного» потомка Давида, который установит Царство Божие и положит начало справедливому владычеству. Первым «увидел» воскресшего Иисуса Симон, также называвшийся Петром или Кифой («Камнем»). Затем Иисус «явился» группе учеников, впоследствии известных как Двенадцать апостолов, а еще позже — толпе из 500 последователей. Напоследок же — своему брату Иакову³⁶. Поразительные видения «сопровождались» снисхождением Духа Святого, который давал этим испуганным людям силы говорить открыто, изрекать вдохновенные пророчества и совершать чудеса исцеления.

Они были убеждены, что наступает новый век, предсказанный пророком Иоилем:

*Изолью от Духа Моего на всякую плоть,
и будут пророчествовать сыны ваши и до-
чери ваши;
старцам вашим будут сниться сны,
и юноши ваши будут видеть видения.
И также на рабов и на рабынь
в те дни изолью от Духа Моего³⁷.*

В прошлом пророками обычно становились аристократы, связанные с царским двором. Теперь же Духом были влекомы самые простые люди: рыбаки и плотники, крестьяне и ремесленники. Для современников воскресение не было мифическим событием далекого прошлого: «свидетелями» вознесения Иисуса оказались сотни людей.

В древние времена еврейское понятие «машиах» (Мессия) применялось к любому человеку — царю, священнику или пророку, — помазанному маслом в знак божественного избрания для выполнения какой-либо миссии. Но, когда над Израилем стали господствовать чужеземные империи, оно было

переосмыслено. В народе возникло упование на приход иного царя: потомка Давида, справедливого и понимающего, который вернет Израилю былое величие. Согласно псалмам Соломона, Помазанник освободит еврейский народ, разоблачит продажных чиновников, изгонит из страны чужеземных грешников и воцарится в Иерусалиме, который снова станет святым городом, привлекающим народы «со всех концов земли»³⁸. Этот текст был написан в Иерусалиме в I в. до н. э., но его перевели на греческий язык и читали в еврейской диаспоре, также жившей под властью Рима и надеявшейся на приход Мессии (*Христос* по-гречески). В этом уже была потенциальная крамола, а уж какой крамолрой стало течение, считавшее Христом человека, которого казнил римский наместник!

Источник Q не упоминает ни о смерти, ни о воскресении Иисуса. Быть может, тем, кто создал этот текст, было тяжело думать о распятии, а о явлениях Воскресшего они не знали (или не верили в них). Они продолжали свое дело, но, похоже, сгинули в хаосе Иудейской войны. Однако для Двенадцати апостолов смерть Иисуса была тем, о чем не-

возможно молчать, ведь в ней заключалась спасительная сила. В иудаизме считалось, что мученик умирает за «грехи» Израиля: не за проступки отдельных людей, а за прегрешение народа, который нарушил заповеди Божьи, не справился с возложенной на него ответственностью и тем самым навлек на себя наказание свыше, политическую катастрофу. Готовность умереть за принципы делала мученика образцом для подражания. Таким образом, мученическая смерть Иисуса подталкивала людей к действию и вдохновляла на попытки ускорить наступление Царства.

Видения перевернули жизнь Двенадцати. Они оставили Галилею и вернулись в Иерусалим, где, согласно пророкам, Мессия должен был положить начало новой эпохе³⁹. В перенаселенных трущобах нижнего города Двенадцать проповедовали, сообщая эту благую весть торговцам и поденщикам, носильщикам и мясникам, красильщикам и погонщикам ослов — «потерянным овцам Дома Израилева»⁴⁰. В городской среде, довольно чуждой для этих бывших крестьян, они пытались создать альтернативные общины, которые Иисус организовал в деревнях Галилеи:

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Апостолы же с великой силой свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса; и великая милость была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду⁴¹.

Двенадцать также начали проповедовать говорившим на греческом иммигрантам из диаспоры, которые приехали в Иерусалим, чтобы жить в большем согласии с правилами иудаизма. Одним из представителей этой диаспоры был Павел (согласно Луке, уроженец Тарса Киликийского). Поначалу он враждебно относился к движению Иисуса, но затем с ним что-то произошло и он стал возвещать благовестие не только потерянными овцами дома Израилева, но и языческим народам.

Свою первую книгу о Павле («Первый христианин») я опубликовала в 1983 г., в самом начале карьеры. Книга сопровождала

шестисерийный телефильм, в котором я изложила свой подход. Начиная этот проект, я полагала, что для меня он станет возможностью показать, насколько отрицательно Павел повлиял на христианство, исказив учение Иисуса о любви к ближнему. Павел — это апостол, которого многие любят ненавидеть: его воспринимают как женоненавистника, врага евреев и иудаизма, сторонника рабства и авторитаризма. Но, взявшись за изучение его текстов в контексте I в., я быстро поняла, что дело обстоит иначе. Более того, пройдя в ходе съемок шаг за шагом по его пути, я не только ощутила глубокое уважение к нему, но и почувствовала, насколько близок мне этот трудный, яркий и ранимый человек.

Почти сразу выяснилось, что не все послания, подписанные его именем в Новом Завете, принадлежат его перу. Ученые полагают, что лишь семь из них аутентичны: Первое послание к Фессалоникийцам, Послание к Галатам, Первое и Второе послания к Коринфянам, Послание к Филиппийцам, Послание к Филимону и Послание к Римлянам. Остальные тексты — Послание к Колоссянам, Послание к Ефесянам, Второе по-

слание к Фессалоникийцам, Первое и Второе послания к Тимофею и Послание к Титу — были написаны от лица Павла уже после его смерти, а некоторые из них даже во II в. В науке они получили название девтеропавлинистских. Это не подделки в современном понимании: в Античности сплошь и рядом писали под именем какого-нибудь уважаемого мудреца или философа. Эти посмертные послания пытались укротить Павла и сделать его радикальное учение более приемлемым для греко-римского мира. Именно поздние авторы заявили, что женщины должны слушаться мужей, а рабы — господ. Именно они придали символический смысл Павлову обличению «владык века сего»: дескать, это не правящая аристократия Римской империи, а бесовские силы.

Любопытно, что некоторым феминисткам такой поворот не по душе: они горят желанием возложить на Павла вину за многовековую христианскую женофобию. Однако для ученого иррационально закрывать глаза на убедительные доводы в пользу позднего и псевдонимного характера этих текстов. Неужели ненавидеть Павла важнее, чем оце-

нить его труды по справедливости? Между тем, как продемонстрировали недавние исследования, Павел настолько радикально подходил ко многим вопросам, что и поныне чрезвычайно актуален.

Во-первых, как показали Ричард Хорсли, Дитер Георги, Нил Эллиотт и многие другие ученые, Павел, подобно Иисусу, неуклонно обличал несправедливость Римской империи. До Нового времени все цивилизации без исключения основывались на излишке аграрной продукции: ее насильно изымали у крестьян, заставляя их жить впроголодь. Таким образом, около 90 процентов населения были обречены на рабский труд и удовлетворение нужд небольшого привилегированного класса и его прислужников. Между тем, как отмечают социологи и историки, без этой чудовищной несправедливости человеческий вид мог бы остаться на самом примитивном уровне. Ведь привилегированный класс означал наличие людей с досугом, необходимым для развития искусства и науки. Как ни парадоксально, выяснилось, что Римская империя — оптимальный способ обеспечить мирное сосуществование, поскольку она пресекала